

Жажду разговора по душам...

— Знаете, давайте договоримся сразу, — сказал в самом начале нашей беседы Михаил Андреевич, — меньше всего мне хотелось бы говорить о себе, где я родился, как рос, какие роли играл... Может быть, просто поговорим? О том, что меня волнует в жизни и в искусстве...

Честно говоря, и мне не хотелось задавать какие-то заранее заготовленные вопросы с запрограммированными ответами. Хотелось накануне семидесятилетнего юбилея популярного актера просто побеседовать с ним по душам...

— Можно сказать, что я всю жизнь работаю в кинематографе, — продолжил разговор Михаил Андреевич. — А кинематограф — это всегда что-то непредсказуемое: никогда твердо не знаешь, что будет завтра. Но тем не менее, поскольку вся основная часть жизни актера — подготовка к работе или ожидание работы, то, я думаю, идет постоянное и весьма важное накопление и опыта, и наблюдений, и неустанный труд души. Из этой суммы слаженных и возникает актерская личность. А у меня она еще частично складывается и из репетиций, спектаклей в Театре-студии киноактера, где я работаю уже более сорока лет, из труда на радио и телевидении...

Ну, наверное, есть и другие актерские индивидуальности, яркие, необычные, которым как бы на всю их жизнь природой больше отпущено, чем другим. А вот для рядового актера, к каковым себя отношу я, одних природных данных мало, главное тут — это каждодневная работа. И когда вдруг появляется что-то этапное, то только потому, что все накопленное тобой, весь опыт, наработанные умения, профессионализм вдруг оживают в тебе, помогают испытать то, чего не приходилось испытывать раньше. То есть для обычного актера важна некая тайная копилка, профессиональная, человеческая, с помощью которой и появляется та или иная удачная работа. Со стороны это кажется чуть ли не загадкой...

— И все-таки, Михаил Андреевич, мне кажется, вы относитесь к себе слишком скромно, роль — рядового актера...

— Я отношусь к себе трезво. Ну вот есть богом данное

у актера. Взять, к примеру, Петра Мартыновича Алейникова. С таким обаянием, даже очарованием, с такой непосредственностью этот артист, что, в какие обстоятельства, его ни ставь, он всегда будет, как говорится, на своем месте. Есть и в наше время актеры такого плана, наделенные удивительными природными возможностями. У меня же, так сказать, свое поле, почвенное пространство, на котором я и тружусь, исходя из своих принципов, по вере, по совестливости, все годы — и в пору удач, и неудач, и в паузы.

Правда, жалею, что критика, разбиравшая мой рабочий путь, не носила для меня характера встряски, не указывала, что плохо. Может, я не давал для этого материала? Во взаимоотношениях с критикой я как-то благополучно прожил, вероятно, в этом есть и издержки: невозможно жить, чтобы все у тебя было хорошо. Слава богу, что во мне самом живет критик. Знаю, вот это можно сделать лучше. Но ведь твой труд на экране предстает как бы в сумме творческих усилий — хорошего режиссера, ансамбля артистов, всего коллектива, ибо кино это не только «я», но прежде всего «мы». Есть какие-то фильмы, которые не стыдно вспомнить, хотя ничего постыдного в жизни моей не было. Но все же есть и такие, в которых что-то переделывать уже невозможно. Обидно, к примеру, что в картине «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» вырезали главную сцену, ради которой я, собственно, и брался за эту роль, нештатную роль шути Балакирева, умницы, который и Плутарха читал, и объяснял, что только «дураки» могут сказать правду властью имущим, только так могут довести до их ушей, что же все-таки творится в жизни... Впрочем, мои работы не очень резали.

Жадность по отношению к работе, желание быть полезным никогда не угасали во мне. А ведь возраст весьма солидный, стариков-актеров много. Но о жизни на пенсии пока не хочу думать. Страшно, когда ничего уже

не можешь делать и в тягость всем — и себе, и делу, в котором участвуешь. Может, обольщаюсь, а другие думают иначе? Мемуаров не пишу, не занимаюсь коллекционированием, бог не дал такой страсти. Конечно, есть дети, четыре внука. Но у них своя жизнь. Главное, они тоже стремятся исповедовать принцип: понять и сделать то, что тебе поручено, добротой и с пользой для людей.

— У вас было множество маленьких, даже эпизодических ролей, и все они, как мне кажется, добротные...

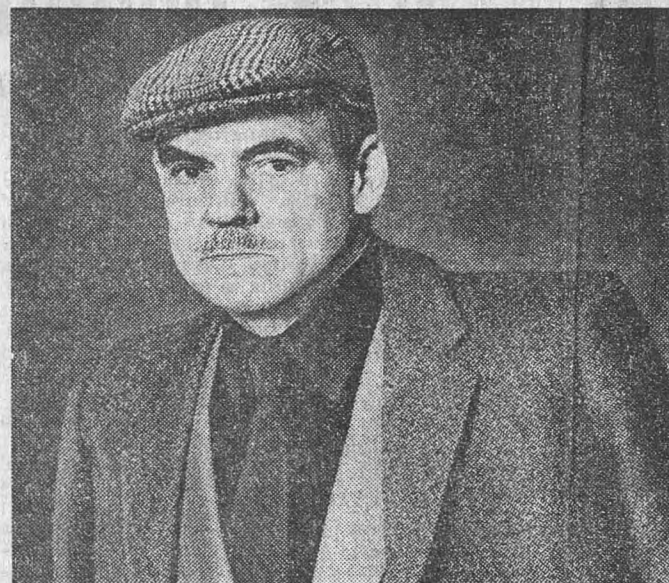
— Но давайте разберемся, что такое маленькая роль в фильме? Вот, к примеру, «Остановился поезд», где довелось мне сыграть эпизодическую роль стрелочника Пантелеева. Помните: по его вине происходит авария... Да, эта роль — эпизодическая, но сколь много значит она для фильма! И я в этой роли выкладывался до конца.

— Точно так же вы относились и к первым своим эпизодическим ролям в фильмах «Минин и Пожарский», «Салават Юлаев»?

— Во всяком случае принцип был такой же. Это ведь не только плод моих раздумий — это продолжение того, чему меня учили, чем наделили меня мои учителя-актеры Тарханов, Плотников, Баталов еще во время учебы с 1936 по 1940 год в школе при киностудии «Мосфильм».

— Тарханов, Баталов, Плотников — ведь это знаменитые мастера Художественного театра... При чем тут кино?

— В основе воспитания киноактера была методика театральной школы, системы Художественного театра. Я человек верящий и верный, то есть я верю в правоту принципов тех людей, которые меня учили, ведь их вера в миссию искусства была не на пустом месте. Школа Художественного театра — это не такая уж простая вещь, как многими преподносится ныне. Это, если хотите, новаторская система мышления, воспитания актера. Не так-то легко ее усваивал и я, надо было перестраивать все свое отношение к работе, к искусству. Каждую роль — будь она заглавной или эпи-

зодической — начинаешь с себя. И до сих пор, примеряя себя к той или иной роли, я испытываю творческие сомнения.

— Сомнения? И это после пятидесяти лет работы в кино?!

— Невероятные сомнения! Моя ли это работа, гоюсь ли для нее? Как бы ее исполнил другой актер? Нет, это не страх — желание уйти от роли, а именно творческое сомнение-размышление. Характерным примером может послужить фильм Ильи Авербаха «Монолог», где мне доверили роль академика Сretenского. Вся работа была наполнена мучениями: прав ли режиссер, выбрав меня? Это, наверное, и есть муки творчества. И они во мне — от знаменитой школы Художественного театра.

С трудом приходилось очищаться от многого: давали о себе знать мои занятия в художественной самодеятельности. Два года с курса на курс переводили меня условно. Тут очень важно, кто находится рядом с тобой. Сколько талантливых людей заблудилось лишь потому, что рядом не оказалось настоящих учителей! Так что и я вполне мог оказаться «антуражем», если бы мои учителя не воспитали во мне убеждение, что быть арти-

стом — ответственная и очень важная работа. Именно работа. Вообще любой человек меряется работой. Недаром сегодня мы говорим, что именно от каждого из нас на его рабочем месте зависят результаты перестройки.

Конечно, жизнь и работа актера кино и театра мало чем схожи, что же касается значимости творчества, здесь, думаю, еще неизвестно, какая чаша весов потянет. В конце концов это зависит от индивидуальности актера, от его таланта и опять же от его работы над собой. Шалапин как-то сказал, что вообще не верит в одну спасительную силу таланта без упорной работы... И работал, работал... Оттачивал каждое движение, чуть ли не до потери сознания. Палал, его обливали водой, и он снова работал. Что такое вообще актер? Это — поле для возделывания. Словом, тут важно все, что окружает актера. И школа его, и разные встречи, и влияние литературы и искусства. А в театре это еще и творческое окружение, глаз, который наблюдает за тобой, актером, корректирует тебя.

Так вот, я в кино оказался без такого доброго надзора. Чаше всего было так, что режиссеры стремились получить и получали от меня то,

что им было необходимо. Но не дополняя, не давая взамен ничего. Счастливые исключения составляет разве что работа с Сергеем Аполлинариевичем Герасимовым. Сегодня о нем можно услышать много разноречивого. Но что бы ни говорили, он был прирожденным учителем, и этого у него не отнять! Я снимался у него в четырех картинах. Роли — разные по масштабу, но каждая из них для меня была настоящей школой, духовным обогащением. Это же могу сказать и о работе с Ильей Авербахом.

— Михаил Андреевич, а каким видится вам дальнейший путь нашего кино?

— Происходящие события в стране нас несколько обескуражили. Пока еще четко нельзя сказать, что нас ожидает впереди: ведь работа есть работа. Но, убежден, наша профессия требует продолжения классических театральных и кинематографических традиций, развития их. Мы должны использовать в своем творчестве все лучшее у наших предшественников, чтобы двигаться дальше, по мере своих способностей обогащая найденное. Нужно делать главное — хорошие фильмы, спектакли. А какой будет экономическая сторона кинематографа, как на хозяйском расчете начнут действовать студии, какими станут условия проката, как обновится техническая база — это одна сторона дела. А вот по отношению к творчеству для меня остаются прежние критерии — умножение высоких традиций.

— И все-таки можно задать один стандартный вопрос? Какой работой вы отмечаете свое семидесятилетие?

— В начале октября я сыграл на сцене Театра-студии киноактера роль Верховенского в премьерном спектакле «Бесы» по Достоевскому в постановке нашего главного режиссера В. Спесивцева. Много работаю по озвучиванию фильмов, выступаю на радио... И, как всю жизнь, жду новую, свою роль. В общем, не угасает во мне жажда разговора по душам с сегодняшними зрителями...

Записал В. МАРТЫШИН.

Фото В. Плотникова.